

РЕЦЕНЗИИ

Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. — 298 с.

*Виктор Вахштайн**

«Теория практик» В.Волкова и О.Хархордина — книга, «обреченная на успех». Причем на успех у самой широкой аудитории: у студентов, изучающих социологию повседневности, аспирантов, занятых подготовкой теоретических обзоров своих диссертаций, коллег, чьи научные интересы локализованы в приграничной области между социологией и философией. Каждая из этих читательских аудиторий найдет в книге то, что подскажет ей коллективный хабитус, — будь то популярное изложение запутанной хайдеггеровской онтологии или нетривиальные авторские решения классических теоретических парадоксов. А потому жанр книги определить трудно; будучи, несомненно, «учебником» — причем, как принято писать в отчетной документации инновационных образовательных проектов, «учебником нового поколения» — работа В.Волкова и О.Хархордина беспрепятственно переходит жанровые границы между учебной и научной литературой.

С момента опубликования Пьером Бурдьё «Наброска теории практики» прошло тридцать шесть лет, но теория практик продолжает свое существование «в набросках». Каждое новое исследование практик и каждая следующая практико-ориентированная концепция увеличивали общее число подобных эскизов, однако никакого целостного полотна из них так и не сложилось. Даже фундаментальные труды вроде «Практического смысла» оставались лишь «набросками», не претендующими на статус завершенной, состоявшейся, суверенной социологии практик. Впрочем, сам акт подобной генерализации противен духу практико-ориентированных исследований, избегающих обобщений и предпочитающих им примеры. Тем не менее на протяжении последних двадцати лет регулярно предпринимаются попытки собрать существующие теории практик в единое (более или менее непротиворечивое) целое, превратив «практику» в универсальный всеобъясняющий концепт. (Яркий пример — работа Ф.Коркюфа «Новые социологии».)

До некоторой степени альтернативу генерализации составляет кодификация. Это принципиально иной способ работы с теоретическими ресурсами, в котором разрозненные и разнообразные концепции практик не подводятся под общий знаменатель, а наносятся на карту в виде далеких друг от друга, но все же связанных между собой анклавов — связанных отношениями теоретического импорта и экспорта, заимствования и наследования. Тогда доказывать «единство практической парадигмы» в социальных науках не входит в задачи исследователя¹. Основная его задача состоит в том, чтобы «картографировать» концепции, обозначать их границы со смежными (нейтральными или враждебными) теоретическими территориями, распутывать клубок связывающих их отношений. К такому типу исследований принадлежит цитируемая авторами работа Андреаса Реквица и их собственная книга.

Композиция книги, видимо, отражает специфику ее предмета. В работе два введения и пятнадцать глав. Заключение отсутствует, что роднит предлагаемый курс лекций с пьесами Бертольда Брехта — читатели, ожидающие эффектной финальной сцены, мощного аккорда, развязки, расставляющей все точки над «i», будут разочарованы. Авторы и здесь избегают обобщений — черта под рассмотрением теорий практик в книге не подведена, поскольку не подведена она под самой теорией практик. Как и положено незавершенному, находящемуся-в-становлении теоретическому проекту, практико-ориентированная социология сопротивляется «подведению итогов» — книга завершается изложением онтологических построений Ж.Делеза.

Несколько сложнее объяснить выбор рассматриваемых концепций и расстановку акцентов. Наибольшее внимание уделено М.Хайдеггеру, Л.Витгенштейну, П.Бурдьё и М.Фуко, на втором плане — Г.Райл, М. Полани, М.Мосс, Н.Элиас, М. де Серто, Дж.Скотт, А.Макинтайр, Б.Латур, Ж.Делез,

* **Вахштайн Виктор Семенович** — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ГУ-ВШЭ, декан факультета социологии и политологии Московской высшей школы социальных и экономических наук, avigdor2@yahoo.com

© Вахштайн В., 2009.

© Центр фундаментальной социологии, 2009.

¹ Авторы рецензируемой книги отмечают такую возможность самим определением предмета своего изложения: «Теория практик» — это название общего стиля многих исследований конца XX века. Именно стиля, а не общего набора теоретических положений» (с. 19).

Л.Болтански и Л.Тевено. Непосредственные наследники витгенштейновской традиции в социологии, создатели оригинальных теорий практик Г.Гарфинкель и Э.Гидденс упомянуты вскользь. Может быть, на них просто не хватило времени, или не вписались они в рамки «общего стиля», идентифицированного авторами как «теория практик». Другое возможное объяснение: в выборе анализируемых концепций авторы не руководствовались четким операциональным определением — что является «теорией практики», а что — нет; ими двигал чистый теоретический интерес к той или иной концепции.

Еще одна любопытная особенность книги, с которой связаны одновременно ее сильные и слабые стороны, — в работе собраны тексты, писавшиеся авторами более десяти лет. За эти десять лет менялись, видимо, не только теоретические интересы, но и решаемые задачи. Исследовательский поиск в теоретической работе имеет собственную логику — те ответы, которые кажутся удовлетворительными на этапе активного использования концепции, перестают удовлетворять, когда очевидными становятся ее ограничения. Но логика курса — не логика поиска; превращая свои статьи в лекции, упорядочивая фрагменты текстов, написанных в разные годы с разными интенциями, авторы иногда создают любопытные коллажи.

Например, не удовлетворившись теми решениями витгенштейновского парадокса следования правилу, которые предложили Уинч, Крипке и Тэйлор, В.Волков во второй главе мужественно делает шаг «по ту сторону правила». Этого требует его намерение концептуализировать социальные феномены, «превосходящие все игровые аналогии». В свою очередь, такое движение заставляет его предложить различие между «технической самоотдачей» и «экзистенциальной самоотдачей» (с. 66-69) — различие, которое невозможно провести, находясь внутри теории практик. Без соответствующих амортизирующих пристроек (например, в виде ссылок на этическую теорию Макинтайра) подобное различие рискует развалить все здание витгенштейновской социологии, которое сам же автор так тщательно реконструирует. Сделать шаг «по ту сторону» правил и рутинных способов поведения — значит шагнуть «по ту сторону» теории практик и ударить по ней молотом моральной философии. После этого теоретического хода читателю будет трудно поверить в то, что «...социальное для теории практик находится не в головах агентов, и не в дискурсе, и даже не в интересубъективном взаимодействии, оно находится в рутинизированных способах поведения, которыми наделены все нормальные члены данного общества» (с. 19). А Аласдэйр Макинтайр — «...единственный, кто противостоит в XX веке тенденции представлять практики как рутинные непроблематичные действия» (с. 153) — появится на сцене только в главе 12, когда вопрос о границах социального (определяемого по-витгенштейновски, через правила игры) уже будет снят с повестки дня. Читателям остается только гадать, зачем автор опроверг прежде обороняемый тезис уже во второй главе, вместо того чтобы по старой аналитической традиции сделать это в финале книги.

Впрочем, все подобные противоречия, встречающиеся в книге, исключительно продуктивны. Видно, как авторы играют свою теоретическую партию, предлагая оригинальные ходы, решая возникающие по ходу игры задачи, заходя в тупики (как в случае с витгенштейновскими парадоксами) и жертвуя фигуры (тезис о «рутинном характере практик») в надежде добиться позиционного преимущества. Местами возникающая непоследовательность изложения — невысокая плата за возможность передать в тексте эту специфику живой практики теоретизирования. (Практика вообще «непоследовательна» с точки зрения классической рациональности, и практика теоретизирования — не исключение.)

Наконец, последнее наблюдение касается стиля повествования. «Если теория практик, — пишут авторы, — сама есть определенный тип практики или сгусток различных практик, то пытаться выделить основные теоретические элементы, несущие конструкции теории практик — или невозможно, или обречено на банальный результат. Лучше давать примеры» (с. 21). Последнее авторам удается блестяще — примеры захватывают, не дают оторваться от текста, тянут за собой новые иллюстрации. В приводимых на страницах книги примерах боевики «Хамас» соседствуют с Флоренс Найтингейл, Эмиль Дюркгейм — с Анатолием Чубайсом, самураи А.Куросавы — с турнепсом, государствами-членами ООН и чучелом кошки на свернутом в трубочку коврик. Благодаря примерам книга читается на одном дыхании. Наверняка найдутся читатели, которые адресуют «Теории практик» тот же упрек, что Хэзелригг некогда адресовал «Анализу фреймов» Гофмана (якобы вместо того чтобы предложить теоретическое обобщение своих идей, Гофман предлагает читателю «...one damned example after another»). Однако примеры не просто обозначают некоторую близкую авторам традицию мышления (каждый третий пример в книге создан по аналогии со знаменитыми парадоксами философов-аналитиков), они оказываются чрезвычайно удобной «оснасткой» для лектора, который планирует взять «Теорию практик» на вооружение.

Несомненные достоинства книги не нуждаются в эксплицитных описаниях — они очевидны читателю, специализирующемуся в этой области, как «хорошая игра» очевидна заядлому болельщику. Впервые на русском языке издано столь серьезное аналитическое описание основных теоретических ресурсов социологии повседневности. Впервые работы Б.Латура помещены в контекст современной праксеологической онтологии. Впервые в лекционном курсе дана столь подробная генеалогия концептов современной социологической теории, связывающая новейшие теоретические разработки с классическими философскими идеями и интуициями. Наконец, впервые на русском языке издан полный курс лекций по «Социологии повседневности» — неоценимый вклад в институциональное развитие этой области знания.